

* * *

Не читай газеты, человек,
Постоянный нервный разницей,
Уличную торопливость речи...
Пусть они волнуются тобой.

Что тебе – в канаве или луже
Найден труп вчерашнего суда?
Что тебе неизлечимый ужас
Новостей их? – Ржавая вода.

Что тебе расхристанное слово,
Времени каприз и перифраз?..
Почитай печального Иова.
Бог идёт. Проходит мимо нас.

Сердце забывает разговоры,
Утренний туман и снег свобод.
Бог идёт. Передвигает горы.
Скажет солнцу – солнце не взойдёт.

* * *

Вонми, мой Бог, вонми моим речам,
Не посмотри, что я устал и грешен.
Когда изводит дни мои печаль,
Пошли того, кого смогу утешить.

Кому скажу:

– И мы с тобой близки!

И мысли, от которых нам не спится!

Спасенья не бывает без тоски,

Тоски по небу – беспокойной птицы.

Её круженья странны и резки,

Но с нею, как с душою, не слукавишь.

Спасенья не бывает без тоски –

Мы на пути спасенья, мой товарищ.

ХИТОН ХРИСТА

*Воины же, когда распяли Иисуса,
взяли одежды Его и разделили
на четыре части, каждому воину
по части, и хитон...*

Ин. 19, 23

Земную ось сорвёт снаряд фугасный,

И белый стронций упадёт дождём,

И станет океан моторным маслом...

Нам надо оставаться со Христом.

Держаться за края Его хитона

Последней верой в полноте времён,

Когда планета делит раздражённо

И океан, и масло, и хитон.

СОЗЕРЦАНИЕ СТРЕКОЗ

Ни возводим, ни штурмуем дворцы,

Созерцаем мы полёт стрекозы,

Потому что мы с тобой мудрецы,

Русских сумерек и снов Лао-цзы.

Поглядим на стрекозу сквозь прищур

И на муху, что летает едва.

Много мудрости – опять чересчур,

По утрам опять болит голова,

Ноет сердце, что спивается край,
Не отходит от гражданской бузы...
Потому что это вам не Китай,
Русских сумерек и снов Лао-цзы.

* * *

Друзья мне пишут: снится Воркута –
И улицы знакомые, и люди.
И будет время, как-нибудь они
Заедут, если только время будет.

Читаю письма. Думаю о снах
В них Воркута мне никогда не снится.
Хотя со мною рядом, как жена,
Зубная щётка, чаша и цевница.

Как я ни жил, о чём ни сожалел,
Какую бы ни выбирал дорогу,
Но мне не снится город Воркута...
И слава Богу.

Как может сниться мой убогий край?!
Где снег да пыль,
Да пыль со снегом снова.
Неужто в ваших светлых городах,
Друзья мои,
Порою так хреново?

МОНАСТЫРСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

У деревьев нет таких минут,
Что никак не пересилить тьму,
Никого они не предают,
Не желают сдохнуть никому.

Никому не скажут: – Прах земли!
Ты не человек, а муравей...
Молятся, чтобы укрыть смогли
Путников от зноя и дождей.

Если на ветру и пошумят,
То уймётся ветренная дрожь...
Почему, сердечный мой собрат, –
Под ветвистым деревом вздохнёшь,

Пожалеешь ближних бедолаг,
Поглядишь на утренний пейзаж –
И пойдёшь на рынок и в кабак,
И пойдёшь кого-нибудь предашь?

ОСЕННИЙ КРЕСТ

Неприхотливы здешние места –
И ты привык к дождям и глухотам.
И упадёшь под тяжестью креста –
Не жизнь, а осень! Только снова встанешь.

Чего бы ни смотреть на мелкий дождь?
Смотреть себе без лишних восклицаний.
Надолго осень. Разве с ней умрёшь?
С ней умирать невесело. И встанешь.

И не захочешь уезжать из мест,
Где столько о других краях проплакал,
Где железнодорожный переезд
Опаснее осеннего маньяка.

Обычный крест – передохни и встань.
К тому же, всё равно тебе не спится.
И тепловоз въезжает в глухотамь –
Даёт гудок. Наверно, из столицы.

РАЙОННЫЙ ХРАМ

В райцентре построили храм –
Небольшой,
Спасаясь от русской печали.
Всем миром его возводили –
С душой,
Как прежний когда-то ломали.

Те дни не припомнят уже старики,
Ломали без всякого толка –
Чтоб в зеркале не отражался реки.
Остались развалины только.

Храм новый
И сайдингом белым обшит,
И всё, вроде, с именем Бога.
Никто в прежнем не был,
Зато от души
Вздыхают:
– Был краше... Намного.

* * *

Как Бог разбирает слова миллионов молящих,
Каждый оттенок молитвы, каждый душевный штрих?
Язык сердца может обходиться без подлежащих,
Без сказуемых. Без многоточий и запятых.

Хочу молиться на языке веры, судьбы. Ибо
Скучную исповедь не о том, чем сердце живёт,
Бог не слышит – лишь видит, что открывает рот рыба,
Бессмысленно, беззвучно она открывает рот.

Зачем это надо? Придумывать небу мороку?
И жалеет Бог говорящих пустые слова,
Что Он создавал человека, а перед Ним окунь.
Или плотва.

ПАМЯТИ ИГОРЯ ВАВИЛОВА

Не получилось, Игорь, выпить нам с Гомером.
Он обещал придти, но тяжела кифара
Эпических стихов. Не смог в тумане сером
Увидеть – разобрать пути до Сыктывкара.

Да что он видеть мог?! Ни пармы, ни Мемфиса,
Ни водки с клюквой, ни вечерние Афины.
Не огласил нам кораблей ахейских список,
Что не смогли прочесть мы и до середины.

Что в жизни видел он?! Ни русский снег, ни Трои...
Как бог смеялся, чтоб звучала «Илиада»,
Жаль, выпить не пришёл. С ним было бы нас трое.
Мы пили без него. Когда-то выпить надо.

Хоть ты его искал – искал в глазах прохожих,
В растерянной любви, в своих коротких книгах.
Стикс даже переплыл, как Сысолу. И что же?!
А там сухой закон. Ни с кем не выпьешь, Игорьь.

БАЛЛАДА О БОКАЛЕ

Неловко я бокал поставил –
Разбился вдоль и поперёк.
Как много выучил я правил!
А вот бокал не уберёг...

Я знал, что иней в песне синий,
Я знал, что рыбку из пруда
Не вынешь без труда. В мартини
Неплохо бросить кубик льда.

Порой меча острее слово,
Хоть восемь бед – один ответ.
Не покупай коня хромого,
Купи себе велосипед.

Мужья едят без меры груши,
В какой бы край не убежал,
Любовь брандспойтом не потушишь –
Высокой сложности пожар.

– Все правила правы отчасти, –
Сказал сознания поток...
И я разбил бокал на счастье –
На счастье вдоль и поперёк.